

Ирина Софи

Когда звезды
спускаются на землю

18+

Ирен Софи Когда звезды спускаются на землю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72700966

SelfPub; 2025

Аннотация

Древний закон Кабоса обязывает каждую женщину иметь гарем. Но однажды находится та, кто осмелится бросить вызов многовековым устоям. Её ждет путешествие через океаны, встреча с неизведанным и борьба за сердце того, кто не хочет делить ее ни с кем. Что сильнее – вековые традиции или право на любовь? И какую цену придется заплатить за это?

Содержание

ГЛАВА 1 Остров Кабос	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10 Египет	56
Глава 11	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ирен Софи

Когда звезды спускаются на землю

ГЛАВА 1 Остров Кабос

Последний свет угасающего дня струился по небу, словно растопленный персидский шафран, окрашивая песчаный берег в густые, почти кровавые тона. Тихой, ленивой волной, словно усталый зверь, лизал берег океан, его соленое дыхание смешивалось с ароматом ночных цветов, уже распустившихся в прибрежных зарослях. На фоне пламенеющего горизонта причудливыми, почти мистическими силуэтами высились серо-черные скалы Кабоса – древние стражи этого забытого богами острова.

По теплоту, все еще хранящему дневной жар песку, босыми ступнями ступала юная девушка. Ее тонкая фигура в белоснежной тунике казалась хрупким призраком на фоне могучей стихии. Ей было восемнадцать лет, возраст, по законам Кабоса, требующий принятия власти и полноты женственности, но в ее стройности, в чистоте линий еще читалась некая девичья незавершенность. Она подошла к самой кромке воды, и тонкие, изящные руки поднялись к пле-

чам, чтобы расстегнуть тяжелые, золотые заколки-драконы, скреплявшие ткань на ее плечах.

– Прости меня, великий Ра-Осирис, за то, что я отпускаю твой свет в ночь, – прошептала она, и туника, шелестя шелком, упала к ее ногам, обнажив тело – худощавое, но уже лишенное угловатости отрочества, с мягкими изгибами бедер и высокой, тугой грудью.

Ветер, словно ревнивый любовник, тут же рванулся к ней, обвивая ноги прохладой и растрепав длинные, черные как смоль волосы, бросив прядь на ее лицо. Девушка изящным, отточенным движением убрала непослушные волосы за ухо. Блуждающий луч уходящего солнца скользнул по тонким, аристократическим чертам ее лица, осветив высокие скулы, прямой нос и губы, слишком серьезные для ее лет.

– Арсея! – послышался из-за спины низкий, властный женский голос, в котором звучали ноты беспокойства и привычки командовать.

Девушка не обернулась. Она стояла, застывшая в молитвенном экстазе, с воздетыми к небу ладонями, будто пытаясь удержать последнюю крупицу света. Ее губы беззвучно шептали древние слова, обращенные к ушедшему за горизонт божеству.

Зовущая была высокой, статной женщиной в темно-синей тунике из дорогой, затканной серебряными нитями ткани. Ее густые черные волосы, уложенные в сложную прическу, уже тронула седина – следствие не лет, но бремена власти.

На голове сверкала тиара из сапфиров и лунных камней – символ верховной власти. Это была Метера – царица и повелительница острова Кабос. Она молча подошла к дочери и положила руку на ее обнаженное плечо. Кожа под ее пальцами была холодной.

Девушка вздрогнула, словно возвращаясь из другого мира, и медленно опустила руки, открывая глаза – огромные, темные, почти бездонные.

– Мама? Ты напугала меня! Зачем ты здесь? – в ее голосе прозвучало не столько раздражение, сколько усталая покорность. – Я хотела побыть наедине с Богом, проводить его за океан. Разве в этом есть преступление?

– Преступление – в безрассудстве, дочь моя, – Метера мягко, но настойчиво повернула Арсею к себе, поднимая с песка ее одежду. – Уже совсем стемнело, поднимается холодный ветер с океана. Ты стоишь голая, как в первый день творения. Пойдем домой. Одевайся, а то простудишься, и тогда все наши планы рухнут, не успев начаться.

Арсея покорно накинула тунику, а Метера, с материнской тщательностью, помогла ей застегнуть тяжелые заколки, их холодная поверхность на мгновение прикоснулась к нагретой за день коже.

– Ты опять пропустила вечернее торжество в честь послов из Ахейских земель, – уже строже проговорила Метера, беря дочь под руку, и они медленно зашагали по направлению к мерцающим вдали огням дворца.

– Ты же знаешь, мама, я не выношу этих дворцовых церемоний, – поморщилась Арсея, глядя под ноги. – Эти взгляды, полные расчета, эти речи, в которых каждое слово – ловушка. Мне душно в этих стенах.

– Но ты – наследница, Арсея! Через два года, по Закону, ты займешь мое место, и твоей обязанностью будет вести дела королевства, а для этого нужно учиться читать людей, как жрецы читают звезды!

– А мне куда приятнее читать книгу природы, – возразила девушка, останавливаясь и глядя на темнеющий океан. – Слушать, как океан шепчет свои вечные тайны. Молиться богу Солнца, чувствуя его тепло на своей коже, а не только на холодных камнях алтаря. Разве это не тоже самое служение?

– Ты всегда была не такой, как все, дитя мое, – вздохнула Метера, и в ее голосе впервые прозвучала не власть, а тревога. – Но есть вещи, которые нельзя отложить. В твоём возрасте, по нашему Закону, пора уже не просто думать о мужчинах, а познавать их. Не как правительница, а как женщина.

Арсея отвела взгляд, смущенно покраснев. – Они... они меня не интересуют. Пока. Во всяком случае, так, как того требуют обычаи.

– «Пока» длится уже слишком долго, – мягко, но настойчиво сказала Метера. – Тебе восемнадцать, Арсея! Пора набирать свой собственный гарем, присматривать себе достойных мужей, которые станут опорой твоей власти и отцами твоих детей. В твоём возрасте я уже правила своим первым

гаремом и знала объятия не одного мужчины. А ты... ты целые дни проводишь в молитвах с жрецами или в библиотеке за старыми свитками!

– Мамочка, не сердись, прошу тебя! – Арсея прижалась к матери, и в ее жесте была вся незащищенность юности. – Я даю тебе слово. Через два года, когда придет мое время, я стану послушной и мудрой преемницей. Я исполню все, что велит Закон и долг. Просто дай мне еще немного времени... побыть собой.

– Ну, хорошо, – смягчилась Метера, глядя дочь по волосам. – Но время, увы, не ждет. Моя власть, как и солнце сегодня, клонится к закату. И я должна быть уверена, что передаю скипетр в надежные руки.

– Я буду самой прилежной твоей ученицей, – с легкой дрожью в голосе уверила Арсея.

Они подошли к царскому дворцу – величественному зданию из бело-розового мрамора, чьи стройные колонны упирались в усыпанное звездами небо. Едва царица с дочерью ступили на порог, как десятки рабов и рабынь в светлых льняных одеждах бросились им навстречу. Зажглись сотни светильников, наполняя воздух ароматом оливкового масла и сандала, и вскоре внутренние покои заиграли в золотом свете. В просторном зале уже стоял огромный эбеновый стол, ломящийся от яств: зажаренные на вертеле перепела, свежие фиги, темный хлеб и кувшины с вином, разбавленным морской водой.

Усевшись на мягкие подушки, Метера с дочерью приступили к трапезе. После долгого молчания царица заговорила снова, и ее голос прозвучал как приговор.

– С завтрашнего утра, дочь моя, ты должна начать положенные по Закону действия. Ты помнишь, в чем их суть?

Арсея опустила глаза, медленно перебирая виноград в своей тарелке. – Помню, мама. Я должна... я должна пройти через возбуждающие ласки, – она произнесла эти слова чуть слышно, – и познать через них телесную прелесть, чтобы желать ее впредь. Но я не думаю, что это возможно. Я не могу заставить себя испытывать удовольствие от... от прикосновений незнакомых людей.

– Почему незнакомых? – удивилась Метера. – Это мои мужчины из моего собственного гарема. Люди проверенные, верные, красивые и умелые. Ты знаешь их с детства – воина Дариона, поэта Ликаона, художника Элатона... Можешь выбрать любого. Они научат тебя искусству любви.

– Я... я лучше помолюсь, – упрямо прошептала Арсея, поднимая на мать умоляющий взгляд. – Я испытываю наивысшее наслаждение, когда моя душа сливается с божеством в экстазе. Разве это не важнее?

– Это совсем другое, дурочка ты моя! – воскликнула Метера, и ее терпение лопнуло. – Одно – пища для души, другое – зов плоти, без которого наш род пресечется! Мне, кажется, так и не дожидаться внуков от тебя! Я молю богов, чтобы они вразумили тебя и помогли тебе повзрослеть не только телом,

но и сердцем!

– Мама! – лицо Арсеи пылало от стыда и гнева. – Как мне все это надоело! Все эти разговоры о долге, о гаремах, о ласках! – Она резко встала, смахнув со стола недоеденную перепелку. – Я ухожу спать!

– Учти, Арсея! – царица поднялась вслед за ней, и ее голос прозвучал металлом. – Утром к тебе придут! Закон суров, и ему ты должна подчиниться в первую очередь!

В ответ лишь громко хлопнула дверь в покои дочери. Метера осталась стоять одна посреди сияющего зала, ее плечи поникли.

– О, великие боги! – прошептала она, глядя в темное окно, за которым пряталась луна. – Направьте вы мою неразумную, упрямую дочь на истинный путь. Даруйте ей познать не только вашу божественную сладость, но и земную страсть, без которой жизнь женщины пуста и бессмысленна. С этими словами она медленно, словно неся на плечах невидимую тяжесть, направилась в свои покои. Несколько рабов зажженными факлами молча последовали за ней, готовые исполнить любую прихоть своей повелительницы, но не в силах облегчить тяжесть на ее сердце.

Глава 2

Прошло два года. Для острова Кабос, подчиняющегося вечным циклам солнца и океана, это было лишь мгновение. Но для дворца из бело-розового мрамора эти два года стали временем неумолимого скольжения к краю пропасти. Власть Метеры, некогда абсолютная и незыблемая, как те самые скалы, о которые разбивались волны, теперь походила на угасающий светильник – пламя еще трепетало, но масло было уже на исходе. А вместе с ним иссякало и ее терпение.

Царица возлежала на своем ложе из слоновой кости, застеленном тканями цвета ночного неба, расшитыми серебряными звездами. Воздух в покоях был густ и сладок от аромата увядающих лилий в огромных золотых вазах – метафора ее собственной угасающей силы. Ее взгляд, тяжелый и усталый, скользнул по высокому сводчатому потолку, где фрески с изображением триумфов прежних правительниц казались теперь не победными реляциями, а насмешкой. Взмахом руки, на котором золотые браслеты звякнули с непривычной для нее безысходностью, она подозвала застывшую в тени рабыню.

– Приведи ко мне раба, – голос Метеры прозвучал хрипло, – того, что прислуживал мне вчера за ужином. Того, со смуглой кожей и глазами, полными дерзкой почтительности.

Рабыня, не поднимая глаз, склонилась в почтительном поклоне и поспешно удалилась, ее босые ступни бесшумно скользнули по полированному мрамору. Метера закрыла глаза, вжимаясь пальцами в виски. В висках стучало: «Время, время, время...» Оно утекало сквозь пальцы, как песок, уносимый ветром с берега.

Через некоторое время щелчок открывающейся двери заставил ее поднять веки. На пороге стоял он. Юноша, чья красота была столь же очевидной, сколь и опасной. Смуглая кожа отливала золотом в свете масляных ламп, черные волны волос были убраны с высокого лба, а фигура, гибкая и сильная, говорила не о рабской покорности, а о дремавшей в нем дикой, первозданной силе. Он стоял, опустив взгляд, но в самой его позе читалась готовность пружины к разжиманию.

– Как тебя зовут? – спросила Метера, разглядывая его с холодной, аналитической оценкой, с какой осматривают нового скакуна или клинок.

– Атар, – ответил молодой человек, и его голос, низкий и бархатный, прозвучал в тишине комнаты, как струна.

– И давно ты служишь мне? Я не замечала тебя раньше. Твоя красота не должна была ускользнуть от моего внимания.

– Со вчерашнего дня, о, Светлая. До этого я... проходил обучение, – он сделал небольшую, почти театральную паузу, – искусству любви у жрецов Солнца в их горной обители. Жрецы Солнца. Сердце Метеры сжалось. Те самые, кто

все эти годы уводил ее дочь от земных радостей в мистические туманы. Ирония судьбы заключалась в том, что теперь они же прислали ей орудие для ее возвращения.

– И сколько тебе лет, Атар?

– Двадцать, госпожа.

– Двадцать... – она протянула слово, сравнивая. Ее дочери было двадцать. Возраст расцвета, а не монашеского затворничества. – Жрецы, говоришь, обучали тебя. И ты хорошо освоил эту... науку? Они довольны твоими успехами?

Уголки губ Атара дрогнули в едва уловимой улыбке.

– Наставники были ко мне благосклонны. Поэтому и предоставили мне величайшую честь – служить тебе, моя царица, – он поднял на нее взгляд, и Метера увидела в его темных глазах не рабское подобострастие, а уверенный, почти вызывающий огонь.

– А сможешь ли ты, – Метера приподнялась на ложе, и ее голос стал тише, но весомее. – Увлечь молодую, невинную девушку? Ту, чье сердце и тело дремлют, окутанные покровом молитв? Ту, чьи ладони знают лишь жест воздевания к небу, но не прикосновения к мужской коже?

Атар не смутился. Напротив, его взгляд загорелся азартом.

– Меня обучали, о, Повелительница, не только технике, но и психологии влечения. Меня учили, как разжечь искру там, где, кажется, лежат лишь холодные угли. Как пробудить желание у тех, кто сам о нем не подозревает.

На мгновение Метера почувствовала укол странной ревности. Ревности к той, кому будут предназначаться эти умения. Она отогнала это чувство.

– У меня для тебя особое поручение, Атар. Ты, конечно, знаешь, что у меня есть дочь. Арсея. Ей уже двадцать лет, – она сделала акцент на этом. – Но она... она не познала еще ни единого мужчины. Она проводит дни и ночи в молитвах, в экстазе, обращенном к солнцу, и отворачивается от земных наслаждений, как от скверны. Сколько я ни пыталась ее убедить, уговорить, приказать – все бесполезно. Ее гарем пустует, а ее лоно – нетронуто. Может быть, – и в голосе царицы впервые прозвучала отчаянная мольба. – Тебе удастся найти ту потаенную дверцу, что ведет в ее спящую чувственность. Я очень на это надеюсь. Будущее нашего рода зависит от этого.

Атар медленно опустился на колени, и его поклон был исполнен не рабской униженности, а почти рыцарской преданности делу.

– Благодарю тебя, о, Царица, за оказанное мне доверие! Я приложу все свое умение и всю страсть, что даровали мне боги и наставники.

– Ты красив и молод, – Метера протянула руку и приподняла его голову за подбородок, заставляя вновь встретиться с его взглядом. Ее пальцы почувствовали тепло его кожи. – Возможно, твоя молодость, твоя... энергия, смогут достучаться до нее там, где мои слова оказались бессильны. –

она отпустила его, и на ее лице на мгновение мелькнула тень былой, давно утраченной нежности. – Эх, Атар... где мои двадцать лет! Иди. И попытайся. Твоя задача – пробудить в ней не просто отклик плоти, но и интерес, любопытство, жажду.

– Слушаюсь, Повелительница! – Атар легко поднялся с колен, его движения были полны грации и силы.

– Утром придешь и расскажешь об успехах. Что бы там ни произошло.

Атар с глубоким, почтительным поклоном вышел из покоев царицы. Дверь закрылась, и Метера осталась одна в огромной, наполненной угасающими ароматами комнате, с одной-единственной, горящей в темноте надеждой по имени Атар.

Глава 3

В это самое время в своих покоях, в самой дальней от шума и суеты части дворца, Арсея совершала свой ночной ритуал. Здесь не было ни золота, ни роскошных ковров. Лишь простой шерстяной ковер на каменном полу, ложе, застеленное грубым льном, и в нише – золотая статуэтка Бога Солнца, единственная дань роскоши в этом аскетичном убежище.

– О, великий, ты, единственный на земле и небесах! – ее голос, чистый и звонкий, нарушал торжественную тишину. – Дарующий всему живому свет и тепло! Без тебя зачахла бы нива жизни, остановились бы воды в реках, и сердца людей обратились бы в камень.

Она стояла на коленях, обнаженная, как и подобает душе, предстающей перед божеством. Лунный свет, пробивавшийся через высокое окно, окутывал ее стройную фигуру серебристым сиянием. Два года стерли последние следы девичьей угловатости. Теперь это было тело молодой женщины: небольшие, но упругие и красиво очерченные груди, тонкая, гибкая талия, плавные изгибы бедер. Длинные, черные как смоль волосы, не знавшие ножниц рабынь-парикмахеров, волной струились по ее спине, почти достигая колен. Но в ее огромных, темных глазах, устремленных на сияющий лик идола, горел все тот же отрешенный, почти фанатичный огонь.

– Наполни меня своей божественной силой, – шептала она, воздевая руки, – не дай вечерней мгле затмить мое сердце. Я преклоняюсь перед твоим сиянием, твоей животворящей энергией. Ты – моя жизнь! Ты – моя любовь! Я отдаюсь тебе всем своим существом!

Ее губы беззвучно шептали древние слова заклинаний, глаза закрылись, а тело внезапно затрепетало, будто по нему пробежал разряд молнии. Сначала это была легкая дрожь в кончиках пальцев, затем волна, прокатившаяся по всему телу, заставила выгнуться ее спину и сжаться пальцы ног. Она дышала прерывисто и глубоко, на ее бледной коже проступила испарина.

Это был экстаз, пик мистического соединения с божеством, ради которого она жила. Так продолжалось несколько минут, наполненных внутренним светом и трансом. Наконец, сила покинула ее, и она безвольно рухнула на грубый ковер, подобно срезанному цветку. Лежа, она несколько минут приходила в себя, слушая, как бешено стучит ее сердце – не от земной страсти, а от соприкосновения с безмерным. Наконец, дрожащей рукой она потянулась к низкому столику и взяла с серебряного подноса персик. Плод, символ жизни и плоти, который она всегда употребляла после ритуала, чтобы «заземлиться». Откусив небольшой сочный кусочек, она медленно прожевала его, ощущая, как сладость фрукта возвращает ее к реальности. Отложив недоеденный персик, она подошла к окну.

Полная луна, холодная и отстраненная, царила в небе. Арсея смотрела на нее с безмолвным вызовом. Луна была символом всего, что она отвергала: пассивности, женских таинств, связанных с кровью и деторождением, ночи, скрывающей лик ее бога. Ее тело, освещенное лунным светом, казалось мраморной статуей, воздвигнутой в честь дневного светила. Сделав резкий, отвращающий знак пальцами в сторону ночного светила, Арсея отошла от окна и легла на свое ложе. Усталость от пережитого экстаза быстро погрузила ее в глубокий, безмятежный сон. На ее губах застыла улыбка единения с богом.

Дверь в ее покои скрипнула с такой осторожностью, что звук был не громче падения сухого листа. В проеме возникла темная фигура Атар. Он был бос, его движения были плавны и бесшумны, как у пантеры, крадущейся за добычей. Дверь закрылась за ним, и он остался стоять в полной темноте, позволяя своим глазам привыкнуть к мраку, разбавленному лишь полоской лунного света от окна.

Затем он двинулся вперед. Его шаги были беззвучны. Он подошел к ложу и присел на самый его край, не нарушая пространства сна. Лунный свет падал прямо на лицо Арсеи, и Атар замер, завороченный. Длинные, темные ресницы отбрасывали легкие тени на ее бледные щеки. Прямой, изящный нос, губы, красиво изогнутые даже в полном покое, — в ее лице была хрупкая, почти неземная гармония. Ее худоба, которую Метера называла «излишней», была худобой

юной ланки, готовой в любой момент сорваться в бег. Атар, видевший многих женщин в стенах храма, понимал, что эта девушка была иной. Ее красота была не для услады глаз, а для поклонения.

Он не стал будить ее. Его миссия была иной. Он должен был проникнуть в ее мир не как завоеватель, а как сновидение. Его пальцы, легкие и теплые, прикоснулись сначала к ее бровям, повторив их изгиб. Затем они скользнули по вискам к нежным, высоким скулам. Он чувствовал под подушечками пальцев бархат ее кожи, и его собственное дыхание стало глубже. Он очертил контур ее губ, не касаясь их, ощущая исходящее от них почти осязаемое тепло. Его рука, все такая же невесомая, опустилась ниже, скользя по длинной, изящной линии шеи к ключицам, а затем едва заметно, почти мимолетно, провела по округлости ее груди, чуть ниже соска.

От этого прикосновения, столь легкого и в то же время столь уверенного, по телу Арсеи пробежала легкая судорога, хотя она и не проснулась. Атар чуть слышно застонал, чувствуя, как волна желания подкатывает к его собственному горлу. Он был искусным любовником, но эта девушка, эта спящая весталка, пробуждала в нем не только профессиональный азарт, но и нечто первобытное, жаждущее не просто обладания, а причастия.

Его ладони, знавшие все азы и тайны любовной науки, продолжили свой путь. Они скользили по ее телу, не спеша, вырисовывая невидимые узоры на ее коже. Он нежно гладил

ее живот, бедра, внутреннюю сторону коленей – те места, где кожа была особенно тонкой и чувствительной. Он не применял грубых или навязчивых ласк; его прикосновения были словно шепотом, обещанием, вопросом, заданным спящему телу.

И тело начало отвечать. Сначала это был легкий румянец, выступивший на груди. Затем – едва уловимое движение бедер навстречу его ладони, когда она скользнула по внутренней стороне бедра. Ее дыхание, до этого ровное и спокойное, стало сбиваться, становиться глубже. Во сне она тихо застонала, и этот звук, полный неподдельного, неосознанного наслаждения, был для Атара музыкой победы.

Он знал, что приближается кульминация. Его пальцы, точные и нежные, нашли ту самую «лону любви», о которой говорила Метера, и начали свой танец вокруг нее, лаская и возбуждая, но не вторгаясь, растравляя огонь, но не туша его грубым прикосновением. Он будил в ее теле память, о которой она сама не подозревала – память плоти о предназначенном ей наслаждении.

Волны нарастающего, стихийного оргазма начали охватывать низ ее живота. Ее тело выгнулось, мышцы напряглись, как тетива лука. Атар видел, как под ее веками бешено задвигались зрачки, следя за картинками сна, которые теперь слились с реальностью ощущений. И, наконец, наступила разрядка. Тихий, сдавленный крик сорвался с ее губ, ее тело содрогнулось в серии мощных, произвольных спаз-

мов, и ей почудилось, будто внутри нее вспыхнули тысячи солнц, разлетаясь по всем конечностям, даря ей неведомое, всепоглощающее, почти мистическое наслаждение, которое на мгновение затмило даже экстаз ее молитв. Трепет утих. Арсея медленно открыла глаза. Они были темными, влажными и полными глубочайшего изумления. Она не сразу поняла, где находится. Реальность сна и явь сплелись воедино. И тогда она увидела его. Темный силуэт на краю ее ложа, человека с руками, что все еще излучали тепло на ее коже.

– Кто... кто ты? – прошептала она, и в ее голосе не было страха, лишь смущение и дрожь не отшумевшего возбуждения.

– Я Атар, – его голос прозвучал тихо и ласково. – Твой раб. Царица, твоя мать, послала меня... разбудить в тебе дремлющие силы любви и желания. Пробудить женщину, что прячется за ликом жрицы.

Арсея приподнялась на локте, прикрывая грудь рукой, но не от стыда, а от переполнявших ее новых, непонятных чувств. Она вспомнила волны удовольствия, что только что пронеслись по ее телу. Это было иначе, чем в молитве. Более земно, более... телесно. И оттого не менее прекрасно.

– Я... я не думала, что это настолько... хорошо, – прошептала она, облизнув пересохшие от страсти губы. В ее глазах читалась растерянность, но уже не отторжение.

Атар склонился в почтительном, но исполненном достоинства поклоне.

– Я – лишь инструмент в руках богов, госпожа. И я готов доставлять тебе это приятное, открывать для тебя новые грани наслаждения столько, сколько ты сама пожелаешь.

Мысль о том, что это можно повторить, что это не было разовым, случайным чудом, заставила сердце Арсеи забиться чаще. Впервые долг и желание шли рука об руку.

– Ты действительно сделал мне очень приятно, – сказала она уже более уверенно, и в ее голосе прозвучали ноты той самой власти, которой ее так долго учили. – Теперь моя мать, я думаю, будет довольна. – она сделала паузу, обдумывая. – Я... я определю тебя в свой гарем. Первым. Похоже, пришло время заняться его созданием. Чтобы порадовать маму и... исполнить свой долг.

«И чтобы познать это снова», – пронеслось у нее в голове, но это она оставила при себе.

– Благодарю тебя, госпожа! – в голосе Атара прозвучала искренняя радость. Первый и самый трудный рубеж был взят. – Ты не пожалеешь! Я готов всегда служить тебе и доставлять удовольствие, какое ты только пожелаешь.

– А теперь... оставь меня, – мягко, но твердо приказала Арсея. Ей нужно было побыть одной, чтобы осмыслить этот переворот в собственной душе, чтобы отделить экстаз божественный от экстаза земного и понять, могут ли они сосуществовать.

– Слушаюсь, госпожа, – Атар с последним глубоким поклоном бесшумно удалился, растворившись в темноте так

же незаметно, как и появился.

Дверь закрылась. Арсея осталась одна в лунном свете. Она провела рукой по своему телу, туда, где еще жили отголоски его ласк. На ее лице, всегда обращенном к небу, впервые появилось выражение чисто человеческого, земного любопытства и пробудившейся жажды. Стена между мирами дала трещину.

Глава 4

Покинув опьяняющий полумрак покоев Арсеи, Атар не сразу направился к Метере. Он задержался в тени высокой колоннады, прислонившись лбом к прохладному мрамору, пытаясь обрести равновесие. Воздух все еще был наполнен ее запахом – смесью ладана, ночных цветов и чего-то неуловимого, сугубо личного, что навсегда врезалось в его память. Его тело, возбужденное ее откликом, все еще трепетало, а в душе бушевала странная смесь триумфа и смятения. Он выполнил приказ царицы, но сделал нечто большее – прикоснулся к тайне, и эта тайна манила его сильнее любой награды.

Собрав волю в кулак, он выпрямился и твердым шагом направился в покои Метеры. Он знал, что его ждет отчет, и приготовился к нему с холодной головой стратега, отсекая личные чувства. Метера не спала. Она сидела в своем кресле, похожем на трон, угасающий огонь в очаге бросал тревожные блики на ее лицо. В руках она сжимала кубок с недопитым вином, а взгляд был прикован к дверному проему. Когда Атар вошел и склонился в почтительном поклоне, она не дала ему вымолвить и слова, вскочив с места.

– Ну?! – вырвалось у нее, и в этом слогe была вся ее тревога, надежда и страх. – Говори! Были ли твои попытки успешны? Достиг ли ты чего-нибудь?

Атар, сохраняя внешнее спокойствие, начал свой рассказ. Он был точен и детален, как донесение разведчика. Он опустил лишь сокровенное – трепет своих собственных пальцев, ее божественную красоту при лунном свете и ту щемящую нежность, что возникла в его сердце в момент ее пробуждения. Он описал все как серию искусно проведенных тактических маневров, увенчавшихся полной победой. Он рассказал о ее пробуждении, о ее изумлении, о первых робких словах и, наконец, о ее решении.

– ...и она сказала, госпожа, что определит меня первым в свой гарем и займется его созданием, дабы порадовать вас и исполнить свой долг.

Молчание, воцарившееся после его слов, было оглушительным. Затем по лицу Метеры расплылась медленная, торжествующая улыбка. Она откинула голову и засмеялась – низко, с облегчением, в котором слышались слезы.

– Боги! Наконец-то! Они услышали мои молитвы! – она подошла к Атару и положила ладони ему на плечи, ее пальцы впились в его мускулы. – Спасибо, Атар. Ты сделал то, что не удавалось никому. Ты вернул мне мою дочь. Тебя ждет достойная награда.

– Я уже получил ее, о, Царица, – возразил Атар, глядя ей прямо в глаза. – Ваша дочь обещала мне место в своем гареме, и для человека моего положения это величайшая честь и награда, о которой я только мог мечтать.

– Но это ее награда, – парировала Метера, и в ее глазах

вспыхнул знакомый ему по прежней встрече огонь – смесь власти, любопытства и желания. – А я, правительница Кабоса, тоже хочу отблагодарить того, кто спас династию от вырождения. – Она сделала паузу, изучая его реакцию. – Думаю, мои объятия будут для тебя не меньшей, а может, и большей наградой?

Атар притворился польщенным и потрясенным. Он опустился на одно колено, склонив голову. – О, великая Царица! Об этом я даже не смел мечтать! Быть допущенным в покои Повелительницы – это величайшая милость для любого мужчины Кабоса, честь, затмевающая все прочие!

– Встань, – приказала Метера, и в ее голосе зазвучали бархатные ноты. – Я, конечно, не так юна и свежа, как моя дочь, – она произнесла это с легкой, едкой усмешкой, – но поверь, в любовных утехах я знаю толк. За годы правления я познала столько, что мои жрецы могли бы составить об этом многотомный трактат.

Одним уверенным, царственным движением она сбросила с себя одежды. Ее тело, освещенное дрожащим пламенем светильников, было телом зрелой, опытной женщины. Ей было сорок три года, и время оставило на ней свой след – легкие морщинки у глаз, чуть более мягкие линии бедер и живота, но оно же даровало ей и нечто большее – мощь, уверенность, магнетическую силу, исходившую от каждого изгиба. Ее грудь была полной и высокой, бедра – мощными, а кожа, умащенная драгоценными маслами, сияла, как отпо-

лированный янтарь.

И над всем этим довершением царил ее титул, придававший ее наготе ослепительный, запретный шарм абсолютной власти.

– Если ты будешь так же усерден со мной, как и с моей дочерью, – проговорила она, протягивая к нему руку, – то, возможно, я предоставлю тебе постоянное место в моем личном гареме. Не в качестве новичка, а в ранге приближенного мужа.

– Я приложу все силы, все свое умение, чтобы оправдать высочайшее доверие! – воскликнул Атар, и на этот раз в его голосе не было притворства. Его захватил этот вихрь – от одной спящей богини он попал в объятия грозной царицы. Он привлек Метеру к себе, и его руки обхватили ее мощные бедра.

Его возбуждение, не до конца утихшее после встречи с Арсеей, вспыхнуло с новой силой, подогретое властностью Метеры, ее опытом и той безраздельной властью, которую она олицетворяла. Она не была пассивной; она правила и здесь, направляя его движения, указывая, даря ласки и требуя их, будучи то нежной, то почти жестокой. Это была битва, танец и ритуал одновременно. Атар отдался ему полностью, используя все, чему его научили жрецы, чтобы не просто удовлетворить, но и поразить ее.

Они провели вместе остаток ночи. Когда первые лучи солнца, словно золотые стрелы, пронзили щели в ставнях и

побежали по их все еще нагим, переплетенным телам, Метера открыла глаза. Она лежала, раскинувшись, с выражением глубокого, ленивого удовлетворения на лице.

– Ты... ты был великолепен, Атар, – проговорила она, сладко потягиваясь, как большая кошка. – Такой силы, такой выносливости и... изобретательности я не встречала давно. Жрецы действительно обучили тебя всему.

– Я безмерно счастлив, что угодил своей Повелительнице, – улыбнулся Атар, приподнимаясь на локте. Его тешил такой отзыв, но в глубине души он уже анализировал ситуацию, выстраивая новые планы. Метера повернулась к нему, и ее взгляд стал твердым и решающим. – Я передумала, Атар. Отдавать тебя дочери... по крайней мере, сейчас. Она найдет себе других мужчин. А ты... отныне ты один из моих мужей! Я присваиваю тебе этот титул и все привилегии, с ним связанные.

– Благодарю тебя, Царица! – он схватил ее руку и стал покрывать быстрыми, почтительными поцелуями ее пальцы, запястье, ладонь. – Твоя милость не имеет границ!

Но в душе его что-то сжалось. Он не очень обрадовался такому повороту. Его мысли снова и снова возвращались к Арсее – к ее изумленным глазам, к ее тихому, полному открытия голосу. Девушка, не знавшая мужчин, тронула его так, как не смогла сделать искушенная и властная царица. Он надеялся на место в ее гареме, надеялся стать тем, кто откроет для нее мир плоти, надеялся снова увидеть, как на

ее лице расцветает румянец наслаждения. Но приказ Повелительницы Кабоса не обсуждался. Ослушаться – означало смерть.

– Надеюсь, дочь меня простит, – с легкой, почти деланной небрежностью проговорила Метера, поднимаясь с ложа и с наслаждением ощущая приятную ломоту в мышцах. Она щелкнула пальцами, и из тени вынырнули несколько рабынь с кувшинами воды, полотенцами и одеждами, готовые помочь ей с утренним туалетом. – Сегодня же я устрою смотр мужчин для отбора в гарем Арсеи. Я велела собрать самых красивых, сильных и умелых юношей со всего острова. Там будет достаточно достойных молодых людей, чтобы моя дочь очень скоро забыла о тебе, – она обернулась и, притянув Атару за волосы, страстно, с почти хищной нежностью поцеловала его в губы, давая понять, кому он теперь принадлежит. – Ступай. Рабы проводят тебя в твои новые покои. Они расположены в крыле моего личного гарема. Отныне все твои пожелания будут исполняться немедленно. Отдыхай, принимай ванны, ешь. Готовься к нашей следующей встрече. Скоро я снова посещу тебя.

Атар с низким поклоном отступил назад и позволил рабам окружить себя и проводить из покоев царицы. Его провели через лабиринт роскошных коридоров в крыло дворца, куда доступ был лишь у избранных. Его новые покои были просторны, полны света и роскоши. На столе стояли фрукты и вино, в нише журчал фонтан. Но, оставшись один, Атар по-

дошел к окну и смотрел в сторону покоев Арсеи. Он получил все, о чем мог мечтать раб: титул, близость к власти, роскошь. Но он чувствовал себя не победителем, а пленником. Пленником в золотой клетке по имени Метера, в то время как его сердце и мысли остались там, в аскетичной комнате с золотой статуэткой Бога Солнца, где спала девушка, которую он разбудил для мира, но которой больше не принадлежал.

Глава 5

Солнце, поднявшееся над Кабосом, было безжалостно ясным. Его лучи, казалось, выжигали последние следы ночных тайн и шепотов. Остров пробуждался к обыденным делам: рыбаки чинили сети, ремесленники открывали мастерские, рабы на плантациях собирали спелые фиги. Размеренный ход жизни был внезапно прерван пронзительным звуком медных труб, эхом прокатившимся от дворца по всему поселению. На главной площади, у подножия мраморной статуи Первой Матери, появился царственный глашатай в белой с пурпуром тунике. Толпа замерла в почтительном ожидании.

– Слушайте, слушайте, жители Кабоса! И не говорите после, что не слышали! – его голос, поставленный годами практики, резал воздух, как медный талант. – Оглашаю приказ Великой Царицы Метеры, Повелительницы Острова, Матери Народа!

В толпе воцарилась мертвая тишина. Приказы царицы редко сулили что-то доброе простолюдинам.

– В связи с началом формирования гарема прекрасной Арсеи, наследницы трона и дочери нашей Повелительницы, приказываю всем свободным мужчинам острова, от восемнадцати до двадцати пяти лет, явиться сегодня в полдень к воротам царского дворца! Там будет проведен Вели-

кий Смотр и отбор достойных кандидатов! – Глашатай сделал драматическую паузу, его взгляд скользнул по испуганным и заинтересованным лицам. – Неповиновение, уклонение или отказ от участия будут караться единственной мерой – смертной казнью! Да будет так!

Прокричав воззвание еще несколько раз, он торжественно удалился, оставив за собой взрыв обсуждений, споров и отчаянных молитв. Для кого-то это был шанс на безбедную жизнь, для других – позор быть выставленным на показ, для третьих – смертельная опасность.

В это время Арсея, с сердцем, все еще полным ночных впечатлений и сладкой дрожи, наскоро умылась ледяной водой из серебряного таза. Ее тело помнило каждое прикосновение Атара, а в ушах стоял его низкий, бархатный голос. Она должна была поделиться этим с матерью, убедить ее, что готова на все, лишь бы тот, кто пробудил в ней женщину, остался с ней. Она поспешила в покои Метеры, легкой, почти летящей походкой.

Метера ждала ее. Она стояла посреди комнаты, уже облаченная в церемониальные одежды, и ее осанка была столь же непреклонной, как стены дворца.

– Мама, – начала Арсея, едва переступив порог, ее глаза сияли. – Ты не представляешь, что случилось прошлой ночью! Я хочу тебе рассказать...

– Довольно, Арсея! – властное движение руки Метеры отсекло ее речь, как меч. – Хватит дурачиться и предаваться

детским восторгам. Время для игр прошло. Сегодня будет проведен отбор в твой гарем. Пришло время сбросить покровы жрицы и облечься в мантию правительницы. Взрослей, наконец!

– Но я как раз об этом! – попыталась настаивать Арсея, чувствуя, как ее радость тает под ледяным взглядом матери. – Я хочу, чтобы первым, главным в моем гареме был Атар. Он... он смог до меня достучаться.

– Атар, – имя прозвучало из уст Метеры, как приговор. – Останется со мной. Он займет достойное место среди моих мужей. Его умения... слишком ценны, чтобы тратить их на неопытную девчонку.

Удар был настолько неожиданным и жестоким, что у Арсеи перехватило дыхание.

– Но мама... он был послан для меня! Это несправедливо!

– Я – Царица Кабоса! – голос Метеры гремел, заставляя вибрировать золотые подвески в светильниках. – То, что я хочу, и есть высшая справедливость! И никто, слышишь, никто не вправе мне перечить! Ни советники, ни жрецы, ни тем более моя собственная дочь!

Глаза Арсеи наполнились слезами обиды и бессильной ярости. Она увидела в матери не наставницу, а соперницу, хищницу, отнявшую у нее первую добычу. Силы оставили ее, и она, повинувшись древнему инстинкту, пала ниц перед тронм материнской власти.

– Прости, о, Великая! – прошептала она, прижимаясь

лбом к холодному полу.

– Встань, дочь моя, – голос Метеры смягчился, в нем прозвучало удовлетворение от демонстрации силы. – Я тебя прощаю. Твоя горячность простибельна юности. А теперь иди и готовься к церемонии. Забудь о рабе. Впереди тебя ждут десятки мужчин, рожденных в свободе и знатных семей.

– Слушаюсь, Царица, – Арсея поднялась, не поднимая глаз. Унижение жгло ее изнутри. Она вышла, и ее походка больше не была летящей.

Не в силах вернуться в свои покои, Арсея бежала туда, где искала утешения с детства, – в храм Солнца. Прохладная полутьма святилища, пропахшая ладаном и сухими травами, обняла ее. Ее встретил старый жрец Агорх, его лицо, испещренное морщинами, было похоже на высохшее русло реки.

– Дитя мое, что случилось? – спросил он, с тревогой заметив следы слез на ее щеках.

Арсея, как в детстве, припала к его жилистой руке, осыпая ее поцелуями.

– Она отобрала его у меня, святой отец! Мать! Она забрала моего первого мужчину, Атара, в свой гарем! Это жестоко!

Агорх тяжело вздохнул, положив свою иссохшую ладонь на ее шелковистые волосы.

– Не плачь, дочь царицы. Она – Повелительница. Она вольна распоряжаться всем и всеми на этом острове по своей воле. И ты, и я, и каждый житель Кабоса – лишь пыль у

ее ног. Никто не вправе оспаривать ее решения. Наш долг – повиноваться.

– Я и повиновалась! – выдохнула Арсея, всхлипывая. – Но разве ее долг – не быть справедливой? Разве ее долг – не думать о счастье своей дочери и наследницы?

– Ее долг – думать о Кабосе, – мягко, но непреклонно ответил жрец. – А твое счастье, увы, не всегда есть счастье для острова. Не стоит переживать из-за одного раба. В твоей жизни, я вижу это по звездам, будет еще много прекрасных, сильных мужчин. Сегодня же будет проходить отбор в твой гарем? Я слышал приказ на рассвете.

– Да, – кивнула Арсея, вытирая слезы. – Так повелела мать.

– Тогда иди и повинуйся. Приготовься, как подобает будущей царице. А я вознесу молитвы Солнцу, дабы оно озарило твой путь и послало тебе достойных избранников.

Слова жреца не утешили, но вернули ей чувство долга. Арсея кивнула и покинула храм. Возвращаясь во дворец, она чувствовала себя не невестой, готовящейся к выбору женихов, а осужденной, идущей на эшафот.

Глава 6

Жаркое полуденное солнце стояло в зените, когда резные бронзовые ворота дворца распахнулись. Перед ними толпились сотни молодых мужчин – от загорелых рыбаков с грубыми руками до изнеженных сыновей знати в белоснежных туниках. Воздух был густ от запаха пота, тревоги, надежды и благовоний, которые щедро лили на себя претенденты. Каждый критически осматривал соседей, сравнивая мускулы, рост, черты лица, каждый в душе лелеял надежду быть избранным – кто-то ради карьеры, кто-то ради страсти, кто-то просто ради спасения жизни. На пороге появился Ирион, советник царицы и распорядитель гарема, худощавый мужчина с лицом, ничего не выражавшим и все понимавшим.

– Великая Царица Кабоса и прекрасная Арсея приглашают достойнейших пройти в тронный зал для начала Великого Смотра!

Толпа загудела и, подталкиваемая стражами, хлынула внутрь.

Огромный тронный зал был залит светом. В его центре на возвышении стоял трон из коричневого авантюрина – полудрагоценного камня, в глубине которого мерцали мириады золотых искр, словно пойманное в камень солнце. Рядом, в окружении свиты из советников, стражников и рабов, державших опахала из страусовых перьев, стояла Метера. Ее

темно-синяя туника, затканная серебряными узорами, облегла статное тело, а на голове переливалась всеми цветами радуги корона. Каждый ее зубец был выполнен в виде змеи, застывшей в угрожающем броске с поднятым хвостом; вместо глаз у рептилий сияли огромные, холодные изумруды.

– Ирион! – обернулась царица к советнику. – Где наша дочь? Уже все в сборе, а ее до сих пор нет! Ступай, приведи ее немедленно!

Но в этот самый момент распахнулись высокие двери, и в зал вошла Арсея.

Тишина, воцарившаяся в зале, была красноречивее любых аплодисментов. Она была воплощением невинности и зарождающейся страсти. Ее нежно-розовая туника из струящегося шифона была перехвачена под самой грудью тончайшим золотым поясом, подчеркивая высокую, упругую грудь и гибкий, утонченный стан. Крошечные ступни в золотых сандалиях, украшенных жемчугом, бесшумно ступали по полированному мрамору. Густые черные локоны, перевитые золотыми лентами с вплетенными бриллиантовыми каплями, волной спадали до самых бедер, переливаясь при каждом движении. От нее исходило благоухание цветущего апельсинового сада и чего-то неуловимого, девственного.

Она приблизилась к трону и склонилась перед матерью в глубоком, почтительном поклоне. В ее глазах, однако, читалась ледяная отстраненность.

– Ну, наконец-то ты почтила нас своим присутствием! –

раздраженно проговорила Метера, хотя в глубине души не могла не восхититься преображением дочери. – Присаживайся рядом. Пора начинать.

Взмах руки царицы – и рабы мгновенно поставили у подножия трона небольшую скамеечку, инкрустированную пластинками слоновой кости и золотым ажуром. Арсея, сохраняя царственную осанку, опустилась на нее, сложив руки на коленях. Ее взгляд скользнул по рядам юношей, и в нем не было ни интереса, ни любопытства, лишь скука и легкое презрение. Зазвучала музыка – ритмичные удары барабанов и переливы серебряных флейт. Началась церемония.

Первый тур был безжалостным и быстрым. Ирион и двое опытных евнухов из гарема Метеры проходили по шеренгам претендентов, отсеивая тех, кто не соответствовал высочайшим стандартам красоты и здоровья. Одного отправили прочь из-за шрама на лице, другого – из-за слишком грубых, крестьянских рук, третьего – из-за робости во взгляде. Через несколько часов от сотен кандидатов осталось чуть более двух десятков юношей, каждый из которых был настоящим Адонисом – с идеальными пропорциями тела, безупречной кожей и смелым, но почтительным взглядом.

Второй тур был призван раскрыть их таланты. Юноши демонстрировали изящество в замысловатых танцах с мечами и лентами, силу в ритуальной борьбе, ловкость в жонглировании, мастерство в игре на музыкальных инструментах или чтении собственных стихов. Арсея наблюдала за этим, слов-

но со стороны. Ее мысли были далеко. Она видела не этих старающихся угодить ей красавцев, а смуглое лицо Атара в лунном свете, чувствовала не их напряженные мускулы, а его уверенные, нежные пальцы.

Церемония затянулась до позднего вечера. Факелы были зажжены, отбрасывая гигантские, пляшущие тени на стены зала. Метера, почувствовав усталость, поднялась с трона.

– На сегодня достаточно! – ее голос прозвучал властно, положив конец музыке и состязаниям. – Все сильно устали. Я желаю всем спокойной ночи. Продолжение Смотра начнется завтра утром, после завтрака. Всех ждут еще два, самые главных, тура. А теперь – все свободны.

Она кивнула Арсее, давая знак следовать за ней. Церемония была прервана, но в воздухе повисло напряженное ожидание. Арсея поднялась со своей скамеечки, чувствуя, как затекли ноги. Она бросила последний взгляд на оставшихся претендентов. Они были прекрасны. Но ни один из них не был ЕГО. И в этом осознании рождалась не детская обида, а холодная, зрелая решимость. Игра только начиналась, и она, Арсея, еще покажет матери, что значит отнимать у нее то, что она хочет.

Глава 7

Следующее утро встретило дворец неестественной тишиной, будто сам воздух затаил дыхание в ожидании решающих событий. Метера и Арсея, облаченные в парадные одеяния, восседали в том же тронном зале. Перед ними, залитые светом восходящего солнца, стояли четырнадцать юношей, прошедших жестокий отбор предыдущего дня. Они были прекрасны, но теперь их ждало самое сокровенное и унижительное испытание.

Третий тур, объявленный Ирионом, должен был продемонстрировать не только красоту тела, но и его мужскую сущность, его готовность к служению. Один за другим юноши сбрасывали с себя легкие туники, обнажая натренированные, умащенные маслом тела. Они двигались по кругу перед тронном, принимая тщательно отрепетированные позы, демонстрируя игру каждого мускула, упругость ягодиц, мощь бедер. Воздух стал густым и тяжелым, наполненным запахом кожи, мускуса и юношеского напряжения.

Арсея наблюдала за этим парадом плоти с холодным, аналитическим интересом, словно выбирала не будущих любовников, а породистых жеребцов. Ее взгляд, лишенный стыдливости, но и лишенный страсти, скользил по их телам, оценивая пропорции, красоту линий, достоинство, с которым они преподносили себя. Внутри нее боролись два чувства:

природное любопытство пробудившейся женщины и глубокая обида на мать, заставлявшую ее проходить через этот унижительный, по ее мнению, ритуал. Она искала в их глазах не просто желание угодить, но искру ума, характер, ту самую магию, которую она с первой же встречи почувствовала в Аtare.

В конце концов, она отобрала восемь юношей, чья красота и уверенность показали ей наиболее совершенными.

Наступил черед четвертого, заключительного тура. Он заключался в том, чтобы доказать на практике свое искусство любви. Арсее предстояло провести восемь ночей с каждым из избранников, дабы определить, кто из них сможет не только возбудить, но и полностью удовлетворить будущую правительницу. Жребий, брошенный Ирионом, определил очередность. Арсея, получив таблички с именами, удалилась в свои покои. Мысль о восьми ночах с незнакомцами пугала ее неискушенную душу, но одновременно щекочущая волна предвкушения пробегала по ее коже, заставляя кровь бежать быстрее. Это было страшное и манящее приключение.

Солнце, верный спутник Арсеи, скрылось за горизонтом. На смену ему взошла луна, холодная и безразличная свидетельница ночных тайн. Ночь опустилась на Кабос, ночь, когда скрытые желания выходят на волю, а страсти получают право на голос.

В своих покоях Арсея отдалась в руки рабынь. Они омыли ее тело теплой водой с лепестками роз и жасмина, натер-

ли благовонными маслами ифрикийского нарда и сандала, сделав долгий, расслабляющий массаж, чтобы снять дневное напряжение. Ее длинные, черные волосы были распущены, расчесаны до зеркального блеска и остались свободно струиться по спине. Оставив госпожу в полумраке, освещенном лишь несколькими алыми светильниками, рабыни удалились. Арсея осталась одна, прислушиваясь к бешеному стуку собственного сердца.

Дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошел первый из претендентов. Его тело было скрыто лишь коротким алым плащом, брошенным на одно плечо. Плащ был цвета крови, цвета страсти. Черные, выющиеся локоны волной спускались до его плеч, обрамляя высокий лоб и лицо с правильными, почти скульптурными чертами. Но больше всего поражали его глаза – яркие, изумрудно-зеленые, горящие внутренним огнем. Он был прекрасен, как молодой бог войны. Подойдя к ложу, он опустился на одно колено, склонив голову. Его поза была полна почтительности, но в ней чувствовалась уверенная сила.

– Как тебя зовут? – спросила Арсея, и ее голос прозвучал тише, чем она хотела.

– Марен, о, Светлая, – юноша поднял на нее взгляд, и его губы дрогнули в легкой, обольстительной улыбке, обнажив безупречно белые зубы.

Не дожидаясь дальнейших приглашений, он поднялся и наклонился к ней. Его губы, пылающие жаром, прижались

к ее устам. Поцелуй был не просьбой, а властным утверждением. Его быстрый, умелый язык проник внутрь, свиваясь в страстном танце с ее собственным. Арсея, ошеломленная такой стремительной атакой, на мгновение замерла, а затем ответила, почувствовав, как по ее телу разливается горячая волна. Пока их рты были слиты, Марен сбросил алый плащ, и его обнаженное тело, сильное и гладкое, прижалось к ней. Голова Арсеи закружилась, она инстинктивно обвила его шею руками.

Его левая ладонь скользнула по ее бедру, заставляя мурашки пробежать по коже, а правая уверенно нашла ее грудь. Арсея глухо застонала и прогнулась, ее собственное тело, предательски отзывчивое, отвечало на каждое прикосновение. Она почувствовала, как ее тело само собой раскинулось, приглашая его.

Марен занял позицию между ее бедер. Его пальцы нашли тот самый чувствительный бугорок и принялись за свою работу – нежно, но настойчиво. Низ ее живота скрутило в тугую, болезненно-сладкий узел, требующий разрядки. Арсея была на грани, пик наслаждения был так близок...

И в этот момент он вошел в нее. Острая, разрывающая боль пронзила ее тело, заставив вскрикнуть. Марен замер, давая ей привыкнуть, его губы снова приникли к ее шее, шепча что-то успокаивающе. Он снова начал двигаться, одновременно продолжая ласкать. Боль постепенно отступала, уступая место нарастающему, глубокому удовольствию. Вол-

ны вновь начали накатывать, подбираясь к желанному пику... Но вдруг Марен, сдавленно застонав, напрягся и излился внутрь нее, оставив ее на самой вершине, так и не дав рухнуть в пропасть оргазма. Он замер, тяжело дыша, затем мягко высвободился и снова опустился на колени у ложа.

– Госпожа... – начал он, но Арсея уже отвернулась к стене.

– Оставь меня, Марен. Ты можешь идти в свои покои.

Его уход был тихим, как и приход. Арсея лежала, глядя в потолок, чувствуя странную пустоту и легкую, щемящую боль внизу живота. Удовлетворения не было. Была лишь физическая разрядка и горькое осознание, что красота и страсть – еще не гарантия мастерства. Она уснула с одной мыслью: «Это все?»

Глава 8

Утро принесло с собой не только теплые лучи солнца, но и новую обязанность. Сегодня ей предстояло пройти обряд посвящения в женщины. Церемония, где Метера официально должна была возложить на ее голову малый венец – символ того, что девственность позади и она готова принять свою роль как полноценная женщина и преемница. Арсею облачили в ритуальную белую тогу, драпированную так, чтобы одна грудь оставалась обнаженной – символ плодородия и открытости жизни. За ней пришел жрец, и молча, торжественной процессией они направились к храму Солнца. У входа в святилище их встретили верховный жрец Агорх и сама Метера в полном царском облачении. Лицо матери сияло гордостью и триумфом.

– Приветствую новую женщину Кабоса! – провозгласил Агорх, его старческий голос, однако, был крепок и слышен по всей площади. Он взял Арсею за руку и повел ее к каменному возвышению в центре храма, куда падал главный луч света через отверстие в куполе.

– Случилось великое таинство жизни! – возвестил он, обращаясь к собравшимся жрецам и знати. – Эта девушка, кровь от крови нашей Повелительницы, познала прелесть богини любви и приобщилась к плодородному началу прародительниц жизни! Возблагодарим богов и пожелаем бла-

годенствия и мудрости новой посвященной!

При этих словах Метера приняла от младшего жреца сверкающий венец из чистого серебра, украшенный лунными камнями и жемчугом – символ женской власти, подчиненной, но могущественной. Она возложила его на голову дочери. Металл был холоден на ее горячей коже.

– Живи долго и правь мудро, дочь моя! – голос Метеры дрогнул от неподдельного волнения. – Пусть здоровье твое будет крепким, а лоно – плодовитым, дабы род наш не пресекся во веки веков! Затем царица приняла от Агорха тяжелую золотую чашу, доверху наполненную темным, густым вином.

– Выпей это вино, дитя мое, – сказала она, протягивая чашу Арсее, – и пусть сила плодородной богини войдет в твою кровь, наполнит тебя ее мудростью и страстью!

Арсея взяла чашу и, подчиняясь ритуалу, залпом осушила ее. Напиток был сладким, но с горьковатым, травяным послевкусием. Почти мгновенно жар разлился по ее венам, ударил в голову, затуманив зрение. Звуки вокруг стали приглушенными, а собственное тело – невесомым.

– А теперь мы покинем тебя, юная женщина, – проговорил Агорх, беря ее под локоть. – Ты должна остаться наедине с собой, принять силу божественного напитка и соединиться с мужской сущностью божества. Никто не должен мешать этому величайшему таинству.

Арсея, почти не осознавая происходящего, позволила

провести себя вглубь храма, в скрытые покои, куда не ступала нога непосвященных. Это была круглая, совершенно пустая комната без окон, лишь с отверстием в потолке, через которое падал столб лунного света. На полу лежали груды мягких, дорогих звериных шкур. Голова Арсеи плыла, в глазах темнело, тело становилось ватным и невероятно чувствительным.

Жрец снял с нее белую тогу, и его прикосновения казались ей обжигающими.

– Ложись и прими бога, дитя мое, – его голос прозвучал эхом из далекого тоннеля. – Отдайся неизведанному. Стань сосудом для божественной силы.

Он уложил ее на шкуры и вышел, задвинув за собой скрытую в стене каменную плиту. Арсея осталась в полной темноте, если не считать призрачного лунного луча. И тогда зелье начало действовать в полную силу. Огонь охватил низ ее живота, грудь, все ее существо. Дыхание стало частым и прерывистым, в голове вспыхивали и рассыпались калейдоскопы безумных, ярких образов. И вот из этого хаоса начал проявляться лик – сияющее существо неземной мужской красоты, сотканное из самого света и огня. Оно приблизилось к ней, и его прикосновения были одновременно и лаской, и ожогом. Его руки, казалось, знали каждую тайную точку ее тела, возбуждая ее так, как не мог ни один смертный мужчина.

В лихорадочном, диком полусне Арсее казалось, что бог перевоплощается – то он был золотым львом с гривой из

солнечных лучей, то рекой раскаленной лавы, то самим ветром. Он наполнял ее, проникал в каждую клеточку, заставляя ее испытывать пики наслаждения, один за другим, без передышки, без конца. Она кричала, плакала, извивалась в экстазе, теряя грань между болью и удовольствием, между собой и божеством. Это было безумие, растворение, смерть и возрождение. Всю ночь длился этот священный кошмар и блаженство. Всю ночь Арсея познавала единение с богом страсти и наслаждения, и это было в тысячу раз сильнее и страшнее, и прекраснее, чем то, что она испытала с Мареном. Лишь под утро, на рассвете, истощенное тело отключилось, и она провалилась в глубокий, беспробудный сон.

Очнувшись она только через сутки, уже в своих покоях. Она не помнила, как ее перенесли. Все тело ломило, будто ее переехала колесница, голова была тяжелой, а руки и ноги подрагивали от перенесенного напряжения. Она почувствовала звериный голод. Рабыни, заметив, что она проснулась, тут же подали поднос с жареным мясом, свежим хлебом, фруктами и сладким вином. Насытившись, Арсея почувствовала, что силы понемногу возвращаются к ней, но в душе оставалась странная, горькая пустота.

Дверь открылась, и в комнату вошла Метера. Ее взгляд был полон материнской заботы и скрытого любопытства.

– Ну как ты, дочь моя? Оклемалась немного?

– Да, мама, – голос Арсеи был хриплым. – Мне уже... нор-

мально.

– Прекрасно. Сегодня отдохни, наберись сил. А завтра мы продолжим отбор в твой гарем. У тебя осталось еще семь претендентов. Надеюсь, следующий окажется искуснее.

– Да, – тихо ответила Арсея. – Надеюсь.

Метера приподняла бровь. – А что, первый претендент тебя не устроил? Марен, вроде, достаточно красивый и страстный юноша. Я сама замечала на него взгляды своих слуганок.

– Он красив, – согласилась Арсея, глядя в окно. – Но... полного удовлетворения я от него не получила. Быю приятно, но... чего-то не хватило.

На лице Метеры мелькнуло понимание. – А, так вот в чем дело... Ну что же, видимо, приятная внешность и пылкость – это еще не все. Искусство любви – это умение чувствовать партнершу, ее ритм, ее желания. Думаю, из оставшихся претендентов обязательно найдется тот, кто проявит себя с лучшей стороны.

Она наклонилась и поцеловала Арсею в лоб. – Отдыхай.

Когда мать вышла, Арсея велела рабыням приготовить ей душистую ванну с травами, чтобы смыть с себя остатки священного безумия и земного разочарования. Погружаясь в теплую воду, она закрыла глаза. Образы ночи в храме смешались с воспоминаниями о ночи с Мареном и... с призрачным ликом Атар. Она поняла, что ищет не просто умелого

любовника. Она ищет того, кто сможет дотянуться до ее души, того, чье прикосновение будет не просто лаской, а разговором. И этот поиск только начинался.

Глава 9

Несколько дней слились в череду одинаковых ночей. Арсея проводила их в объятиях прекрасных юношей, но ее душа оставалась холодной. Каждый избранник был искусен, их тела – совершенны, ласки – отточены до автоматизма. Но за этим техническим мастерством не стояло ничего, кроме желания угодить и выполнить долг. Они не зажигали в ней огня, не будили того безумного, животного трепета, который она мельком ощутила в ту первую, роковую ночь. Все их прикосновения, хоть и приятные, были лишены сердца, и Арсея начала тосковать от этого бесстрастного совершенства. В ее голове уже зрела мысль о новом, дополнительном отборе, когда мать посоветовала ей провести ночь с двумя оставшимися претендентами – братьями Людемом и Заримом.

Братья вошли в ее покои, и контраст между ними заставил Арсею на мгновение забыть о скуке. Люден был воплощением ночи: жгуче-черные волосы, ниспадавшие на высокий лоб, густые брови и пронзительные голубые глаза, сиявшие, как полярные звезды. Его брат, Зарим, казался его солнечным отражением: золотистые волосы, доходившие до лопаток, и яркие, изумрудные глаза на удивительно красивом лице. Оба были высоки, мускулисты и полны скрытой силы.

– Не стойте как статуи, – проговорила Арсея, откидываясь на ложе и сбрасывая тунику. Ей вдруг захотелось сломать их

церемонную почитительность, увидеть настоящую страсть. – Покажите, на что вы способны.

Это был вызов. И братья приняли его. Скинув плащи, они предстали перед ней во всей своей первозданной красоте. Но сейчас ее интересовала не красота, а жар, исходящий от их тел, огонь в их глазах. Они подошли к ней, и их руки, теплые и уверенные, коснулись ее кожи. И это было не похоже на предыдущие ласки. В их прикосновениях не было подбострастия – в них было желание.

Зарим приник к ее губам в поцелуе, который был не ритуалом, а захватом, полным властной нежности. В то же время Люден, стоя сзади, опускал свои губы на ее шею и плечи, и его горячее дыхание смешивалось с ароматом ее волос. Руки братьев скользили по ее телу, не следуя заученному сценарию, а словно читая ее тайные желания. Одна ладонь сжимала ее грудь, вторая скользила по внутренней стороне бедра, третья обнимала ее за талию, прижимая к сильному телу Людена. Арсея почувствовала, как знакомое возбуждение накрывает ее, но на этот раз оно было глубже, острее, иррациональнее. Она застонала, уже не сдерживаясь, отдаваясь потоку ощущений.

Она ощущала себя центром бури, вокруг которого кружились две стихии – ночь и день. Их губы, руки, тела сливались в едином порыве, целью которого было не выполнение долга, а ее наслаждение. И когда волна, наконец, накрыла ее, заставив выгнуться и вскрикнуть, это был не просто физический

оргазм. Это было чувство полного растворения, потери контроля, того самого страстного самоозабвения, которого она так жаждала.

Всю ночь они предавались страсти, и Арсея, наконец, почувствовала себя утоленной не только телом, но и душой. Братья, Люден и Зарим, остались в ее гареме.

Утром за завтраком Метера смотрела на дочь с удовлетворением. По покрасневшимся щекам и сияющим глазам Арсеи она все поняла.

– Арсея! Я вижу, наконец-то ты выбрала себе достойных мужчин.

– Да, мама, – ответила девушка, и в ее голосе звучали непривычные для нее теплые ноты. – Это два брата. Они... другие. В их ласках есть не только умение, но и огонь.

– Я рада, что этот отбор не прошел даром. Кстати, твоя сестра Клеопатра прислала письмо. Я еще не открывала. Прочти его вслух.

Арсея взяла протянутый пергаментный свиток и развернула его. Буквы были выведены уверенной, царственной рукой:

«Привет тебе, сестра моей матери, тетя и царица Кабоса Метера! А также приветствую свою любимую сестру Арсею!

Став царицей Египта и наконец избавившись от притязаний на власть моего брата Птолемея и всех других претендентов, я сосредоточила в своих руках всю государственную власть. Хочу поздравить свою сестру с посвящением в жен-

щину. Наверное, сейчас она как раз занимается пополнением своего гарема. Я помню свое посвящение, когда гостила у вас. Арсея была тогда еще маленькой прелестной крошкой.

После посвящения богиня любви, видимо, щедро одарила меня властью над мужскими сердцами. Мне удалось очаровать одного из величайших людей Ойкумены – правителя Рима, самого Юлия Цезаря. Надеюсь, слухи о его могуществе долетели и до вашего острова. Именно он помог мне стать единоличной правительницей Египта. Надеюсь, вскоре состоится наше бракосочетание, и я хочу видеть свою сестру на этой церемонии. Мне не терпится увидеть, какой ты стала.

Можешь взять с собой любимых мужчин, хотя сомневаюсь, что у тебя найдется на них время в вихре придворных увеселений. Да и мужчин здесь, поверь, всегда в избытке! Отговорок не принимаю. Жду! Царица Верхнего и Нижнего Египта, Клеопатра.»

Арсея свернула свиток. Мысль о далеком, блистательном Египте и могущественной сестре зажгла в ее глазах огонек азарта и любопытства.

– Поезжай, – мягко сказала Метера, угадав ее настроение. – Увидишься с сестрой, повидашь мир. Возьми с собой своих братьев. А я буду ждать твоего возвращения, чтобы по прибытии передать тебе власть. Я сейчас же пошлю гонца к Клеопатре с вестью о твоём скором приезде.

– Хорошо, мама! Я с удовольствием поеду! – воскликнула Арсея, и ее сердце забилося от предвкушения нового, неиз-

веданного.

Через неделю у причала качался на волнах готовый к отплытию корабль. Вместе с Арсеей на борт поднялись Люден и Зарим. Они были ее защитниками, любовниками и спутниками в этом путешествии. Дорога предстояла долгая, а будущее, туманное и манящее, звало ее вперед, прочь от родных берегов, навстречу ветру перемен.

Глава 10 Египет

Индийский океан был на редкость спокоен, словно затаив дыхание перед величием предстоящих перемен. Глубокого сине-зеленого цвета вода у горизонта сливалась с небом в единую, необъятную ширь, поражавшую воображение. Знойное солнце безжалостно палило, покрывая блестящим потом тела рабов-гребцов. Мерные, ритмичные удары их весел задавали мелодию этому путешествию – гипнотизирующий ритм покоя и вечности. Арсее предстояло проплыть по бескрайнему океану в Красное море, чтобы навестить мать Клеопатры, Новкатрису, которая управляла Египтом в отсутствие дочери.

Арсея стояла на носу корабля, подставив лицо соленому ветру, который трепал ее длинные черные волосы. Рядом, как тени, находились Люден и Зарим. Плавание заняло несколько долгих месяцев, и когда на горизонте наконец показался багровый от водорослей берег Красного моря, а затем и величественные очертания Египта – Черной Страны Кимет, – ее сердце забилось чаще. Страна пирамид, сфинксов и вечности манила к себе.

Ранним утром корабль пристал к берегу. Далее предстоял недельный путь по знойной пустыне. Караван, посланный Новкатрисой, уже ждал их. Вскоре Арсея, измученная жарой, устроилась в закрытые носилки-лектику, которые рабы

понесли к далекому Гелиополю, Городу Солнца. Ее спутники предпочли сопровождать караван верхом.

Когда же запыленный караван достиг цели, и перед Арсеей возникли алебастровые стены Гелиополя, ее усталость сменилась изумлением. Белоснежные здания, расписанные яркими фресками, величественные храмы с бесчисленными колоннами и дворец, ослепляющий золотом и слоновой костью – все это было потрясающе.

На ступенях дворца, окруженная свитой, стояла стройная женщина с оливковой кожей, облаченная в белоснежные одежды. На ее сложном черном парике сияла золотая диадема – урей, символ власти, из двух переплетенных змей. Это была Новкатриса.

– Приветствую тебя, моя дорогая племянница! – проговорила она, широко раскрыв объятия. – Твой путь был долог, ты, наверное, измучена?

– Да, – искренне призналась Арсея, прижимаясь к ней. – Ужасно устала от этой жары и палящего солнца.

– В городе бога Ра не принято жаловаться на солнце, – мягко, но твердо заметила Новкатриса, сделав отстраняющий жест, дабы отвести возможную гневную волю божества. – Это не страх, дитя мое, а глубокое уважение. Уверена, после посещения нашего храма ты поймешь это.

Взяв Арсею за руку, она повела ее во дворец, поражавший немислимой роскошью. После скромности Кабоса это буйство красок, золота и драгоценных материалов было почти

болезненным.

– Рабы помогут тебе освежиться и снимут усталость пути, – сказала Новкатриса, оставляя Арсею в окружении слуг. – Затем нас ждет пир. А сколько ты планируешь прогостить?

– Несколько месяцев, – ответила Арсея, все еще ошеломленная блеском всего вокруг.

Новкатриса удовлетворенно кивнула, отдала распоряжения относительно Людена и Зарима и, хлопнув в ладоши, призвала двух рослых, хорошо сложенных рабов.

– Проводите госпожу в купальню и позаботьтесь о ней, – был ее лаконичный приказ.

Рабы склонились в почтительном поклоне и проводили Арсею в просторное помещение с бассейном из розового мрамора. Воздух был напоен ароматами дорогих масел и трав. Когда дверь закрылась, они, молча и профессионально, помогли ей снять дорожные одежды. Их прикосновения были уверенными, но почтительными. Однако вскоре Арсея с удивлением почувствовала, что их руки не просто освобождают ее от одежды, но и ласкают кожу – сначала робко, затем все более смело. Один из рабов, темноволосый и мускулистый, склонился, и его губы коснулись ее плеча, в то время как руки другого, светлокожего и статного, обвили ее талию.

– Что вы делаете? – выдохнула Арсея, больше удивленная, чем возмущенная.

– Нам приказано доставить госпоже удовольствие и смыть

усталость пути, – тихо, но четко ответил темноволосый раб. – Таков обычай в этом доме для почетных гостей. Если госпожа против, мы немедленно прекратим.

Арсея заколебалась на мгновение. Это было непривычно, ново. Но в их прикосновениях не было ничего грубого или навязчивого – лишь служение и желание угодить. Любопытство и жажда новых ощущений пересилили.

– Нет... продолжайте, – тихо разрешила она, чувствуя, как по ее коже пробегают мурашки.

Они ввели ее в прохладную воду бассейна. Их сильные, умелые руки скользили по ее телу, смывая пыль и усталость путешествия. Но это было не просто мытье. Их пальцы задерживались на изгибах ее бедер, ласкали спину, поглаживали живот. Движения были плавными, почти гипнотизирующими, рождая странную смесь расслабления и нарастающего возбуждения. Арсея закрыла глаза, отдаваясь потоку новых ощущений. Это было иначе, чем с мужчинами из ее гарема. Более плавно, более... церемониально, но от этого не менее приятно.

Затем они вывели ее из воды, осушили тело мягчайшими полотенцами и уложили на кушетку для массажа. Теплое ароматное масло, ловкие руки, растирающие каждый мускул... А затем их прикосновения вновь изменились, став более интимными, целенаправленными. Она почувствовала, как волна наслаждения, медленная и глубокая, начала подниматься из самых ее глубин. В этом не было страсти, кото-

рую дарили Люден и Зарим; это было что-то иное – тотальная, почти мистическая концентрация на ее собственном теле, доведенная до виртуозности руками рабов. Когда волна наконец накрыла ее, это был не взрыв, а продолжительная, сладостная разрядка, смывающая последние следы напряжения.

Дверь отворилась, и в купальню вошла Новкатриса с белоснежным одеянием в руках. Ее взгляд был понимающим и одобрительным.

– По выражению твоего лица я вижу, что усталость пути полностью покинула тебя, – улыбнулась она. – Мои слуги искусны в своем деле. Я принесла тебе свежие одежды. Отдохни немного и облачайся.

– Спасибо, – с легким смущением сказала Арсея. – Это было... неожиданно и очень приятно. У нас на Кабосе не приняты такие обычаи.

– Здесь многое иначе, – мягко заметила Новкатриса. – Лечари уверяют, что наслаждение, дарованное умелыми руками, наполняет тело живительной энергией, продлевая молодость и здоровье. Иногда руки слуги могут дать больше, чем пыл, но неискушенный любовник.

– Возможно, ты права, – задумчиво проговорила Арсея, вспоминая свои первые, не всегда удачные опыты.

– Конечно, права! – рассмеялась Новкатриса. – А теперь одевайся, нас ждут яства, способные пробудить аппетит даже у самого привередливого гостя.

Арсея кивнула, чувствуя себя не просто отдохнувшей, но и обновленной, готовой к новым открытиям, которые сулила ей эта удивительная страна.

Глава 11

Утро в Гелиополе наступило ясное и знойное, обещая день, наполненный нестерпимым жаром. Арсее предстояло сопровождать Новкатрису в храм бога Ра на ежегодное торжество, посвященное небесному владыке. В далеком детстве она уже видела нечто подобное, но тогда церемония казалась ей лишь красочным, но бессмысленным действием. Теперь же она смотрела на все глазами взрослой женщины, наследницы престола, пытаясь понять суть этой древней веры.

Новкатриса облачилась в парадные одежды: узкую, струящуюся тунику, затканную золотыми нитями, которая вынуждала ее делать маленькие, семенящие шаги, полные достоинства. Ее голову покрывал белый плат в синюю полосу, увенчанный все тем же золотым уреем – двойной змеей, чьи холодные изумрудные глаза, казалось, следили за каждым движением. Арсея надела похожее платье, но отказалась от головного убора, позволив своим черным как смоль волосам свободно ниспадать на плечи, что выделяло ее среди египтянок. Их, облаченных в шелка и золото, рабы бережно понесли в носилках к храму. За ними следовала колесница, груженная дарами – корзинами с фруктами, амфорами с маслом и вином, изделиями из золота и лазурита.

Белоснежный храм, окруженный лесом исполинских колон, поражал своим масштабом и ощущением вечности. У

входа высилась статуя Ра с головой сокола, отлитая из чистого золота; она ослепительно сияла под палящим солнцем, словно второе светило. Увидев приближение соправительницы, навстречу вышел верховный жрец. Его бритый череп блестел, а облачение и тяжелый нагрудный символ власти говорили о его высоком статусе.

– Велик тот день, что озарился твоим прибытием, о, Новкатриса! – его голос был громким и поставленным. – Да ниспошлет Ра удачу и процветание твоему дому! Позволь же нам начать священнодействие.

– Начинай, – кивнула Новкатриса, занимая предназначенное для нее место в тени колоннады.

Воздух вздрогнул от заунывных звуков флейт и ритмичных ударов в медные тарелки. Мелодия, тоскливая и гипнотическая, нарастала, заполняя собой все пространство. Из темноты храма вышли двенадцать жрецов с бритыми головами, облаченные в белейшие льняные одеяния. Они выстроились в два ряда перед золотым идолом и начали песнопение – древний гимн, восхваляющий огненную колесницу бога, что каждый день очищает небосвод от звезд.

«Меркнут звезды, бледнеют созвездия,

Трепещут кости созвездия Льва...

Видят они Солнце сияющим, одушевленным...

Его сила в горизонте...

Небожители отданы солнцу:

Он дает свет и тепло всем живущим на земле;

Дает всемирный свой знак и пищу.

Он вводит сытость и являет себя в виде воды.

Все дышат, сердца ликуют, утробы радуются,

Все молятся, все прославляют красоту его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.